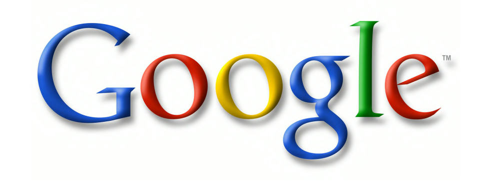

РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ.

[Вып.3]

Лѣто 1895 года.

МОСКВА.
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1895.

о цензурою. Москва, 26-го апрѣля 1895 года.

Зоиламъ и аристархамъ.

Наши изданія подвергались такой безпощадной критикѣ со стороны и мелкихъ и крупныхъ журналовъ, что намъ кажется необходимымъ выяснить свое отношеніе къ ней.

Прежде всего мы считаемъ, что большинство нашихъ критиковъ были совершенно неподготовлены къ той задачѣ, за которую брались. Оцѣнить *новое* было имъ совсѣмъ не подъ силу и потому приходилось довольствоваться общими фразами и готовыми восклицаніями. Всѣ негодующія статейки и замѣтки не только не нанесли удара новому теченію, но по большей части даже не давали своимъ читателямъ никакого представленія о немъ. Да и негодованіе-то относилось больше къ заглавію, и мы убѣждены, что появись тѣ же стихи безъ открытаго названія школы, ихъ встрѣтили бы вовсе не съ такимъ ужасомъ.

Не обошлось дѣло и безъ курьезовъ. Такъ, одна рецензія утверждала, что у насъ сносны только переводы[1]), а другая, что переводы слабѣе всего[2]); кто-то серіозно предлагалъ считать символизмомъ все, передъ чѣмъ можно воскликнуть «чортъ знаетъ что такое»[3]); были такіе, что сомнѣвались въ самомъ существованіи Брюсова и Миропольскаго[4]): столь дерзко казалось называть себя русскими символистами.

Разбирая первые два выпуска, гг. рецензенты старались по крайней мѣрѣ доказывать свои слова, дѣлать цитаты, указывать на то, что по ихъ мнѣнію было погрѣшностями противъ языка; впрочемъ и тогда нѣкоторые находили возможнымъ говорить о нашихъ книжкахъ, не читавъ ихъ[5]). Появленіе «Романсовъ безъ словъ» поставило гг. рецензентовъ въ болѣе затруднительное положеніе; подлинника они не знали, и потому имъ пришлось прибѣгнуть къ голословнымъ осужденіямъ[6]).

---

1) Новое Время № 6476.
2) Всемірная Илл. № 1319.
3) Русское Богатство 1894 г., № 11.
4) Сѣверъ 1894 г., № 21.
5) Звѣзда 1894 г., № 13, повторяетъ въ цитатѣ опечатку Нов. Врем.
6) Трудъ 1895, № 2, и Недѣля 1895, № 11.

Трудно уловить серіозн
общемъ хорѣ упрековъ и
кажется, вотъ три главныхъ
торымъ чаще всего обраща
1) Символизмъ есть болѣзн
которой борятся и на Запад
прививать ее намъ соверше
2) Въ нашей русской литер
не болѣе какъ подражаніе,
собой почвы[2]). Наконецъ 3
настроеній, которыя не мог
бражены помимо символизм

Первое обвиненіе слишком
оно не указываетъ прямо н
волизма, потому что не мо
тать такимъ указаніемъ ламе
зентовъ на то, что они не п
стихотвореній; прежде чѣм
теорему, что поэзія должн
ступной, надо это еще дока
подобныя жалобы слишко
появленіи въ литературѣ н
исторія достаточно поколе
тетъ. На второе обвиненіе
для насъ существуетъ толь

---

1) Наблюдатель 1895, № 2.
2) Id. и Нов. Вр.
3) Недѣля 1894 г., № 48.

ловѣческая поэзія (это, понятно, не противорѣчитъ предыдущему), и что поэтъ, знакомый съ западной литературой, уже не можетъ быть продолжателемъ только гг. Меевъ и Апухтиныхъ; впрочемъ русскій символизмъ имѣлъ и своихъ предшественниковъ — Фета, Фофанова. Третье обвиненіе направлено собственно противъ теоріи г. Брюсова, изложенной во 2 вып., которую онъ и не выдавалъ за нашу общую программу[1]); мы укажемъ однако, что примѣръ Фета, на котораго ссылается рецензентъ, говоритъ скорѣе за насъ; многія стихотворенія Фета смѣло могутъ быть названы символическими — таковы напр.: Ночь и я, мы оба дышимъ... Садъ весь въ цвѣту... Я тебѣ ничего не скажу... Давно въ любви отрады мало... Ты вся въ огняхъ...

Мы встрѣтили и еще одно очень опредѣленное обвиненіе: «За французскими декадентами была новизна и дерзость идеи — писать чепуху и хохотать надъ читателями, когда же г. Б. пишетъ «золотистыя феи», это уже не ново, а только не оустроумно и скучно». Считать весь западный символизмъ съ рядомъ

¹) См. Р. С. вып. 2 й. стр. 6, и еще интервью «Московскіе декаденты» Новости Дня №№ 4024 и 4026.

журналовъ, посвященныхъ е
вателями въ Германіи, Даніи, І
за результатъ мистификаці
шутниковъ — тоже достат
идеи, но мнѣніе по меньшей
ленное[1]).

Въ свое время возбудили и
цензіи г. Вл. С.[2]). Въ нихъ дѣ
падаются дѣльныя замѣчанія
жательности многихъ стихотв
въ 1-мъ вып.), но г. Вл. С. ув
позабавить публику, что пове
остротъ сомнительной цѣнно
ленному искаженію смысла ст
воримъ «умышленному»: г.
долженъ легко улавливать с
меки поэта, потому что самъ
лическія стихотворенія, какъ
слова...» (В. Е. 1892. № 10).

На этомъ мы и покончи
разбирать другихъ замѣтокъ,
(можетъ быть нѣкоторыхъ
представляютъ изъ себя прос

¹) Мы готовы думать, что самъ критик
на немъ, потому что въ разборѣ 2-го вып
теорія г. Брюсова выясняетъ сущность с
довольно вѣрно». См. Всем. Илл. № 134
²) Вѣстникъ Европы 1894, № 8, и 189

изъ другихъ газетъ и журналовъ или бездоказательныя насмѣшки и осужденія; вѣдь не обязаны же мы спорить со всякимъ, кто станетъ на большой дорогѣ и начнетъ произносить бранныя слова.

Валерій Брюсовъ.

I.

Вотъ онъ стоитъ въ блестящемъ ореолѣ,
Въ заученной и неудобной позѣ,
Его рука протянута къ мимозѣ,
У ногъ его цитаты древнихъ схолій.

Оставь, уйдемъ! нашъ міръ — фатаморгана,
Но правда есть и въ призрачномъ оазѣ:
То міръ земли на высотѣ фантазій,
То братъ Ормуздъ, обнявшій Аримана.

II.

Тѣнь несозданныхъ созданій
Колыхается во снѣ,
Словно лопасти латаній
На эмалевой стѣнѣ.

Фіолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ
Полусонно чертятъ звуки
Въ звонко-звучной тишинѣ.

И прозрачные кіоски
Въ звонко-звучной глубинѣ
Выростаютъ точно блестки
При лазоревой лунѣ.

Всходитъ мѣсяцъ обнаженный
При лазоревой лунѣ;
Звуки рѣютъ полусонно,
Звуки ластятся ко мнѣ.

Тайны созданныхъ созданій
Съ лаской ластятся ко мнѣ,
И трепещетъ тѣнь латаній
На эмалевой стѣнѣ.

В. Даровъ.

I.

Мертвецы, освѣщенные газомъ!
Алая лента на грѣшной невѣстѣ!
О! мы пойдемъ цѣловаться къ окну!
Видишь, какъ блѣдны лица умершихъ?
Это — больница, гдѣ въ траурѣ дѣти...
Это — на льду олеандры...
Это — обложка Романсовъ безъ словъ...
Милая, въ окна не видно луны.
Наши души — цвѣтокъ у тебя въ бутоньеркѣ!

Эрл. Мартовъ.

I.

Сердца лучъ изъ серебра волненій
Надъ просторомъ инея встаетъ,
И, дрожа, звучитъ хрусталь молен
И обрызганъ пѣною плыветъ.
Онъ плыветъ... стенящимъ переливомъ
Ледъ звѣзды изъ бездны онъ манитъ...
Далека въ покоѣ горделивомъ
Спитъ звѣзда... звѣзда блеститъ и спитъ

II.

Въ воздухѣ повисли пѣсенъ колоннады
И кристаллъ созвучій какъ фонтанъ
звенитъ,
Замерли въ лазури бѣлыя громады
И въ лучахъ тумана матовый гранитъ.
Въ мысляхъ пѣной бьется зарево томленій,
Молніей мелькаютъ милыя черты,
Къ сердцу отъ чертоговъ чаръ и сновидѣній
Перегнулись аркой звонкіе мосты.
Яркія гирлянды обвили фасады,
Мрамора каррары ароматный блескъ...
И звуча побѣдно таютъ серенады
И разноситъ эхо вдохновенный плескъ.

З. Фуксъ.

I.

О матушка, гдѣ ты! въ груди моей змѣя!
Она свивается и выпускаетъ жало —
И кровь, какъ молоко, роняетъ грудь моя,
И близится оно — ужасное начало.

Какъ молоко, такъ кровь роняетъ грудь моя —
О матушка, накинь на грудь мнѣ покрывало!
Я знаю, чувствую — оно близко̀, начало...
Въ глазахъ моихъ темно, въ моей груди змѣя.

И вотъ склоняются накрашенныя губы...
Мелькаютъ, какъ упрекъ, и дѣланная бровь,
И золотой шиньонъ, и вставленныя зубы.

Нѣтъ, прочь! оставь меня! продажна вся любовь,
Всѣ поцѣлуи ложь, всѣ утѣшенья грубы..
А грудь, какъ молоко, сочитъ по каплѣ кровь.

В. Хрисонопуло.

I.

Надъ темной равниной,
Равниною темной
Нескромной картиной,
Картиной нескромной
Повисли туманы,
Туманы повисли,
Какъ будто обманы,
Обманы безъ мысли,
Безъ мысли и связи
Въ разсказѣ безстрастномъ,
Въ безстрастномъ разсказѣ,
Въ разсказѣ неясномъ,
Гдѣ блѣдныя краски
Развязки печальной
Печальны, какъ сказки
О родинѣ дальней.

* * *

I.

Въ полужизни утромъ раннимъ
Изъ лазури да изъ пуху
Мы съ тобой дивиться станемъ
Расписнымъ, стариннымъ ланямъ,
Дѣвамъ, рыцарямъ по духу.

Мы съ тобой дивиться будемъ
Въ полумракѣ раннимъ утромъ
И о жизни позабудемъ
Мы, пока по-соннымъ грудямъ
Лучъ не глянетъ перламутромъ.

И тогда изъ глуби тѣней
На полъ прыгнешь ты развязно,
Я же, полонъ сновидѣній,
Я закроюсь тьмой сомнѣній
Опьяненно и безсвязно.

II.

Умеръ великій Панъ.

Она въ густой травѣ запряталась ничкомъ,
Еще полна любви, уже полна стыдомъ.
Ей слышенъ трубный звукъ: то императоръ плѣнный
Выноситъ варвару регаліи Равенны;
Ей слышенъ чей-то стонъ, — какъ будто плачетъ лѣсъ.
То голоса ли нимфъ, то голосъ ли небесъ,
Но внемлютъ вмѣстѣ съ ней безмолвныя поляны:
Богиня умерла, нѣтъ болѣе Діаны.

ПРИСКА ДЭ ЛАНДЭЛЬ.

Переводы Валерія Брюсова.

«Мы лѣнивы и не любопытны» — вотъ старая истина, которой можно придать новый смыслъ: насъ совершенно не интересуетъ современная западная литература, особенно поэзія, такъ что имена ея самыхъ видныхъ дѣятелей у насъ совершенно неизвѣстны.

Приведу два примѣра. Кто знаетъ у насъ Франца Эверса? А между тѣмъ этотъ молодой поэтъ — явленіе почти безпримѣрное въ литературѣ; въ свои 23 года онъ уже написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ книгъ (между прочимъ новые псалмы) и въ родной литературѣ несомнѣнно займетъ мѣсто рядомъ съ Гёте и Гейне. Далѣе. Извѣстно, что наши журналы по временамъ помѣщаютъ замѣтки «о новѣйшемъ литературномъ движеніи во Франціи». О комъ же идетъ рѣчь? Да все сообщаютъ элементарныя свѣдѣнія о Верленѣ, Маллармэ и ихъ сверстникахъ, хотя старшіе символисты давно сошли со сцены и на смѣну

2. Сестрѣ.

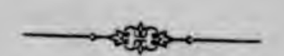
Мнѣ хочется пѣсенки, крошка,
Столь нѣжной, какъ путнику лѣтомъ
Покрытая мохомъ дорожка.

Мнѣ хочется пѣсенки нѣжной,
Печальной и жалобной словно
Роптанье осоки прибрежной.

Спускается сумракъ безстрастный,
Луна на небесномъ плафонѣ
Свой кругъ обозначила ясно.

Пойдемъ, моя милая крошка,
Чтобъ нѣжную пѣсенку слушать,
Пойдемъ, куда манитъ дорожка.

Мы сядемъ съ тобою подъ дубомъ
И будетъ намъ пѣть тишина.

3. Его сердце.

Зыблются вѣтромъ пунцовыя розы,
И переносятся съ вѣтки на вѣтку
Легкія, снѣжныя грезы.
Но и ловцы заготовили сѣтку,
Сѣтку губительной прозы.
Мигъ... все свершилось... напрасны усилья
Сломаны бѣлыя крылья,
И умираютъ небесныя грезы.

Въ мертвомъ саду колыхаются розы,
Тихо проносятся вздохи сознанья,
Листья сложили мимозы...
Пусть упадутъ на росу ожиданья
Первыя крупныя слезы,
Пусть, задрожавши подъ бурею вешней,
Къ травамъ склонятся черешни —
Мигъ... и воскреснутъ умершія грезы.

5. Тому кто далеко.

У кроткихъ сливъ поломаны вершины,
И на плодахъ повисла кисея
Задумчиво прозрачной паутины...
Мой господинъ! вернися! я — твоя!

О если бъ я наружностью плѣняла!
Сама бы я пришла къ тебѣ безъ словъ,
Чтобъ показать за отблескомъ коралла
Жемчужный рядъ плѣнительныхъ зубовъ.

Въ моей душѣ подъ дуновеньемъ ласки
Раскрылись бы пушистые цвѣты,
На небесахъ закатъ бы розлилъ краски...
Я бъ вновь жила... когда бъ отвѣтилъ ты.

6. Надпись на экземплярѣ Бодлэра.

Съ своей любовницей, мечтой,
Во мракѣ полночи беззвѣздной
Блуждаю я надъ страшной бездной,
Но духъ мой полонъ красотой
И на разнузданныя чувства
Бросаетъ мантію искусства —
Такъ иногда нескромный взглядъ
Рѣсницы длинныя хранятъ.

7. За роялью.

Сыпались ноты гирляндами звѣздъ,
Падалъ на золото жемчугъ пѣвучій.
Тамъ за окошкомъ насвистывалъ дроздъ.

Тщетно искалъ композиторъ созвучій,
Тщетно искалъ неземной полноты
Звуковъ смычка и валторны могучей.

Въ поискахъ тщетныхъ подъ голосъ мечты
Бралъ онъ аккорды безвѣстныхъ мелодій.
Ноты звенѣли — свѣтлы и чисты...

Дроздъ за окошкомъ свисталъ на свободѣ.

8. Придетъ ли онъ?

Слѣдитъ съ тоской ея усталый взглядъ,
Какъ огоньки сливаются въ каминѣ,
Какъ двѣ сестры обходятъ циферблатъ
И какъ вокругъ ложится сумракъ синій.

Минувшихъ клятвъ она не знаетъ нынѣ,
Но все жъ уста чуть слышно говорятъ
Слова любви, погибшія святыни,
Которымъ онъ недавно былъ такъ радъ.

И подъ напѣвъ печально-колыбельный
Приходитъ сонъ, міръ грезы безпредѣльной,
Гдѣ жизни нѣтъ, а съ нею нѣтъ заботъ

Но каждый звукъ все возвращаетъ снова.
Она встаетъ, она бѣжать готова...
«Такъ онъ пришелъ?» Но нѣтъ! Онъ не придетъ.

9.

Отчаянье крыльями бьется
О влажныя стѣны унынья.
Господи! дай мнѣ лишь время,
Надежда найдется.

Со взоромъ мольбы и страданья
Любовь моя бродитъ во мракѣ.
Господи! дай мнѣ лишь время,
Зажжется сіянье.

И берегъ заслышавъ въ прибоѣ,
За весла схвачусь я съ отвагой...
Господи! дай мнѣ лишь время,
Придетъ остальное.

ИЗЪ СТАРШИХЪ СИМВОЛИСТОВЪ.

Переводы А. Бронина, Валерія Брюсова, Н. Новича и ***.

Изъ Эдгара По.

1. Къ Зантэ.

Прелестный островъ! Съ лучшимъ изъ цвѣтковъ
Ты раздѣляешь нѣжное названье.
О, сколько яркихъ солнечныхъ часовъ
Ты пробудилъ въ моемъ воспоминаньи!
Какого счастья дивнаго разсвѣтъ,
Какъ много грезъ навѣки погребенныхъ!
И образъ той, которой больше нѣтъ,
Нѣтъ больше на холмахъ твоихъ зеленыхъ!
Нѣтъ больше! и увы! конецъ всему.
Съ магически печальными словами!
Конецъ очарованью твоему,
Проклятья надъ цвѣтущими полями!
О перлъ земли, край гіацинтовъ, Зантэ!
Isola d'oro! Fior di Levante.

2. Эльдорадо.

Былъ рыцарь — красы, выходящей изъ ряда...
По солнцу и въ сумракѣ тѣней
Онъ странствовалъ, смѣлый и чуждый сомнѣній,
Онъ съ пѣсней искалъ Эльдорадо.

Но гасъ постепенно огонь его взгляда,
Легли ему на душу тѣни;
Усталъ онъ отъ долгихъ, но тщетныхъ стремленій
Найти на землѣ Эльдорадо.

И, видя, что жизнь измѣнить ему рада,
Спросилъ онъ у странницы Тѣни:
«О Тѣнь, укажи мнѣ, гдѣ край наслажденій,
Открой, гдѣ лежитъ Эльдорадо?»

— «За лунныя горы сойти тебѣ надо
Въ долину полуночной тѣни,
Отвѣтила Тѣнь, послѣ ряда лишеній
Тамъ смѣлый найдетъ Эльдорадо!»

К. Новичъ.

Изъ Верлэна.

1.

О, звѣздочка крошка! пока ты
Съ зарей не угасла склонись,
— Ароматы
Передъ утромъ съ земли поднялись.

Склонись своимъ взоромъ къ поэту,
Чьи очи любовью блестятъ;
— Птички къ свѣту
Въ вышину голубую летятъ.

Пока на зарѣ не умрешь ты,
Его пусть ласкаетъ твой взоръ;
— Какъ хорошъ ты
Спѣлыхъ нивъ безконечный просторъ.

И мысль, что въ душѣ моей тлится,
Зажги ты вонъ тамъ, погляди!
— Серебрится
Отъ росинокъ трава впереди.

Чтобъ ярко во снѣ пламенѣя,
Пригрезилась милой она...
— О скорѣе,
Пока солнце не встало отъ сна.

(La bonne chanson.)

2.

Какъ дождь стучитъ въ окно,
Такъ въ сердце грусть стучится;
Оно утомлено,
Измучено оно.

Отраденъ дождь шумящій
По крышамъ и землѣ!
Въ тоскѣ меня томящей
Отраденъ дождь шумящій.

Причины нѣтъ для слезъ, —
Ни смерти, ни измѣны,
Во всемъ, что перенесъ,
Причины нѣтъ для слезъ.

Но худшее мученье,
Не знать изъ-за чего
Нѣтъ сердцу облегченья
Отъ вѣчнаго мученья.

(Romances sans paroles.) *К. Ковичъ.*

3.

Въ мечтахъ раскинулась поляна,
Молчитъ, застыла гладь потока,
И еле слышенъ издалека
Невнятный ропотъ океана.

Но чуешь области простора
По влажнымъ струямъ аромата,
И какъ-то просто, какъ-то свято
Блеститъ у неба крестъ собора.

И вотъ огни мелькаютъ въ храмѣ,
Ужъ переполненномъ народомъ,
И вотъ выходятъ крестнымъ ходомъ,
Идутъ съ зажженными свѣчами.

И слышишь благовѣстъ пасхальный
Съ покрытыхъ тѣнью колоколенъ,
И сердцемъ чистъ и духомъ воленъ
Стремишься къ жизни идеальной.

Нѣтъ не мечта мои видѣнья!
Въ нихъ плоть и кровь, въ нихъ жизнь таится.
О братья, вспомнимъ прегрѣшенья,
О братья, будемте молиться!

(Bonheur.) *А. Бронинъ.*

Арт. Римбо.

1. Испуганные.

Какъ черныя пятна подъ вьюгой,
Руками сжимая другъ друга
И спины въ кружокъ,
Собрались къ окошку мальчишки
Смотрѣть, какъ изъ тѣста коврижки
Печетъ хлѣбопекъ.

Имъ видно, какъ мѣситъ онъ тѣсто,
Какъ булки сажаетъ на мѣсто
Въ горячую печь —
Шипитъ закипѣвшее масло,
А пекарь спѣшитъ, гдѣ погасло,
Лучины разжечь.

Всѣ, скорчась, они наблюдаютъ,
Какъ хлѣбъ иногда вынимаютъ
Изъ красной печи —
И нѣтъ! — не трепещутъ ихъ тѣни,
Когда для ночныхъ разговѣній
Несутъ куличи.

Ст. Маллармэ.

1.

У окна, гдѣ пурпуръ старый,
Пурпуръ брошенный, который
Озаренъ ея гитарой
Прежде лирой иль мандорой

Блѣдный ликъ слѣпой, — гармоній
Книги старой и послѣдней,
Восхваляющей въ канонѣ
То вечерни то обѣдни:

Здѣсь за стеклами потира
Свѣтлой арфой серафима
Охраняются для міра
Въ клубахъ ладаннаго дыма

Эти пальцы, — не въ повѣрьяхъ,
Не въ румянцѣ мчитъ мерцанье,
Мчитъ она на влажныхъ перьяхъ
Музыкальнаго молчанья.

Брюсовъ.

(Les poètes maudits.)

М. Мете

1.

Моя душа боль
Моя душа бо
Моя душа въ борь
Глаза мои встрѣча

И подъ кнутомъ
Я вижу призраки
Полузабытый слѣд
Собакъ секретнаг

Во глубь забывчи
Лиловыхъ грезъ н
И стрѣлы желтыя
Казнятъ оленей л

Увы! увы! вездѣ
Вездѣ вернувшіеся
И слишкомъ синее
...На сердцѣ меркн

(Serres chaudes.)

Лоранъ Тальядъ.

Убывающая луна.

Подводные цвѣты! воспоминанья сновъ!
Опять передо мной — безмолвныя озера,
Какъ брачная постель, какъ саванъ мертвецовъ.

Утеснику мила, недвижима для взора,
По ямамъ мергельнымъ уходитъ скатерть внизъ,
И тонетъ колесо въ песочной грудѣ сора.

Лягушки, житники по норкамъ разошлись,
Роптанье дужное доносится блѣднѣя
И съ запахомъ весны перелетаетъ въ высь.

Въ кустахъ терновника не пляшетъ лорелея.
Тамъ ночь, молчаніе и каравайки крикъ
Не слышенъ въ камышахъ. Нѣма оранжерея.

Покинувъ въ этотъ часъ древесный пуховикъ,
И дикій виноградъ, и плющъ идутъ мантиды
Впивать нетрезвый сокъ зеленыхъ ежевикъ

Въ прозрачныхъ платьицахъ съ покроями хламиды
Они спускаются къ пророческимъ водамъ
И чешутъ волоса, блестя какъ хризолиды.

Недологъ мой миражъ! стыдливый ѳиміамъ
Разсыпался, изчезъ, какъ огонекъ блудящій,
Какъ смѣна вѣчная летучихъ панорамъ.

Гонительница сновъ, лампадою горящей
Вотъ надъ тропинкою смутившихся тѣней
Восходитъ въ небеса за дымкою дрожащей —

Твоя луна, Шекспиръ! луна послѣднихъ дней.

Брюсовъ.

(Vitraux.)

Изъ Листковъ Стефана Малларме.

Осенняя жалоба.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марія покинула меня, чтобы удалиться на другую звѣзду — куда? на Оріонъ? на Алтаиръ? или на тебя, зеленая Венера? — мнѣ было постоянно мило одиночество. Сколько дней провелъ я одиноко съ моей кошкой. Говорю одиноко, подразумѣвая, что здѣсь не было другого матеріальнаго существа: моя кошка тоже подруга мистическая — это моя мысль. Итакъ я могу сказать, что провелъ много долгихъ дней одиноко съ моей кошкой и одиноко съ однимъ изъ послѣднихъ латинскихъ авторовъ временъ упадка; потому что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтлаго созданія болѣе нѣтъ, я люблю какъ-то болѣзненно и исключительно все то, что можно опредѣлить словомъ «отцвѣтаніе». Такъ въ году мое любимѣйшее время это послѣдніе, истомленные дни лѣта, за которыми уже прямо слѣдуетъ осень, а въ днѣ — тотъ часъ,

когда я совершаю обычную прогулку и
солнце замираетъ у горизонта, передъ
какъ скрыться совсѣмъ, блестя желтою
на сѣрыхъ стѣнахъ, а красною на око
стеклахъ. Подобно этому той литера
гдѣ мой умъ будетъ искать наслажденій
жется борющаяся со смертью поэзія п
нихъ мгновеній Рима, впрочемъ наст
чтобы она ни въ какомъ случаѣ не в
обновляющаго приближенія варваровъ
еще не лепетала бы младенческой латын
вой христіанской прозы.

Итакъ я читалъ одну изъ этихъ м
поэмъ, въ которыхъ блескъ румянъ и
для меня больше очарованія, чѣмъ розы
дости, и держалъ руку въ мягкой шерст
лаго животнаго, какъ вдругъ уныло
тяжно запѣла подъ моимъ окномъ шар
Она играла въ большой аллеѣ изъ то
листья которыхъ кажутся мнѣ поблe
даже весной, съ тѣхъ поръ какъ ихъ
вала Марія съ длинными восковыми св
миновала въ послѣдній разъ. Инстру
печальныхъ! да! въ самомъ дѣлѣ: форт
блещетъ, скрипка отверзаетъ свѣтъ дл
терзанной души, но шарманка заста
меня мечтать безнадежно въ сумеркахъ
поминанія. Теперь она наигрывала вес

кую, вульгарную арію, отъ которой радостно бьются сердца предмѣстій, арію устарѣлую, банальную; почему же эти звуки проникали въ мою душу и заставляли меня плакать, какъ романтическая баллада? Я не спѣша наслаждался ими и не бросилъ ни одного су за окно, изъ боязни нарушить свое настроеніе и увидать, что инструментъ пѣлъ не одинъ.

M.

(Vers et prose.)

СОДЕРЖАН

Издатель проситъ гг. автор предложить свои произведе щихъ выпусковъ, адресовать ніемъ условій) на имя Вал Брюсова, Москва, Цвѣтной домъ.